

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (69)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (69)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Козлов В.Е.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420015
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

КУЛЬТУРНАЯ ДИСТАНЦИЯ И ОБРАЗ МИГРАНТА У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: «ЧУЖОЙ», «ДРУГОЙ», «ТЕРПИМЫЙ»

Рассматриваются особенности восприятия мигрантов русским населением Республики Татарстан, отражающие величину межгрупповой социальной дистанции. Одним из формирующих ее факторов выступает обобщенный образ мигранта, преобладающий в среде местных русских, который можно свести к трем условным типам: «чужой», «другой», «терпимый». Каждый из них, помимо социокультурных, несет коннотации, эквивалентные характеристикам межгрупповой дистанции — близкой, средней, большой. Целью работы является анализ социальной дистанции между русским населением Татарстана и мигрантами, представляемой в обобщенных образных номинациях «чужой», «другой» и «терпимый», а также факторов, влияющих на нее. Основой послужили материалы комплексного исследования «Русское население Республики Татарстан», осуществленного в 2022 г., а также результаты других исследований по этнической тематике, проведенных в 2023–2024 гг. Можно отметить заметно актуализировавшуюся за последние два года в местном поликультурном сообществе проблему мигрантов, которая влияет как на восприятие последних, так и на установки во взаимодействии с ними. Преобладающим у русского населения республики остается образ мигранта как «другого» с тенденцией к трансформации в образ «чужого», что свидетельствует о увеличении межгрупповой социальной дистанции.

Ключевые слова: мигрант, этническая идентичность, культурная дистанция, этнический стереотип, автохтонная группа, гетерогенность.

Ссылка на публикацию: Козлов В.Е. Культурная дистанция и образ мигранта у русского населения Республики Татарстан: «чужой», «другой», «терпимый» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 2. С. 200–207. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-18>

Введение

Высокое положительное «сальдо» миграции последних двух десятилетий привело к тому, что в России это явление артикулируется в форме общественной проблемы, имеющей волнообразную актуализацию. Резонансные информационные поводы 2024 г. способствовали новой эскалации миграционной темы, получившей оценку со стороны не только общественности и политиков, но и высшего руководства страны¹. Ключевым нарративом в теме мигрантов, который открыто или подспудно присутствует как в позициях обывателя, так и у профессиональных акторов государственной национальной политики, является культурная дистанция между «приезжими» и принимающим населением, которое, как правило, генерализуется в обобщенно-стереотипное понятие «российское общество». Величина декларируемой дистанции различается и варьируется в широком диапазоне, от полной несовместимости и невозможности интеграции до умеренно позитивных оценок перспектив аккультурации, особенно детей и подростков, социализируемых с помощью государственных образовательных, а также воспитательных институтов. Многочисленные общегосударственные и региональные исследования зачастую лишь фиксируют стереотипизированные установки, не позволяющие глубже взглянуть на природу взаимоотношений мигрантов с принимающим сообществом. Данная проблема применительно к Татарстану имеет свою специфику, обусловленную особой биэтнической моделью регионального общества, в которой исторической основой конвенциональности выступает соседство и тесное взаимодействие представителей этнических групп, обладающих значительными этнокультурными особенностями [Сагитова, 2018; Мусина, Хайруллина, 2015]. При этом потенциально дифференцирующие этнокультурные характеристики, включая травмирующие события исторического прошлого у титульной этнической группы, практически нивелированы опытом совмест-

¹ «Осмысленной миграционной политики у нас не выстроено пока» [Выступление Президента...].

ного дисперсного бесконфликтного проживания [Позитивные межнациональные отношения..., 2016]. Еще одной характерной особенностью Татарстана, отмеченной в ряде предыдущих исследований [Дiasпоры и сообщества ..., 2013; Этносоциология в Татарстане..., 2013], является тот факт, что, несмотря на единство религии и некоторых культурных традиций у выходцев из Центральной Азии, доминирующих в обобщенной группе «мигранты», и местных татар, последние четко дифференцированы в глазах русского населения республики.

Объект исследования

В огромном массиве научных работ тема миграции/мигрантов осмысливается с различных сторон и на уровне обобщения от философско-онтологического, аксиологического до эмпирического, включая «case study». При этом проблема имеет очевидное антропологическое измерение, опосредованное самой средой, в которой она генерируется, существует и воспроизводится. Несомненно ее тождество истории homo sapiens sapiens и формам его групповой жизни [Поршнев, 2006]. Вместе с тем в качестве темы изучения в антропологии и этнологии она разрабатывается не столь давно. Более того, миграция как предмет исследования и мигрант в качестве объекта антропологического анализа — скорее результат импорта социологических концепций в середине XX в. Даже в настоящее время преобладают исследования и итоговые работы в парадигме рамочного формата — cultural studies.

К середине XX в. именно в социологии или, шире, социальной теории тема миграции и мигранта как «чужака среди нас» опиралась на весьма серьезную методологическую, а также эмпирическую основу. В частности, представители известной Чикагской социологической школы перевели изучение мигрантов в американской культуре в область методологической проблемы, раскрываемой методами «полевого» исследования [Thomas, Znaniecki, 1927; Park, 1950]. К настоящему времени оформился определенный научный дискурс, в котором хабиутализированы [Berger, Luckmann, 1991, p. 70–71] понятия, с помощью которых представители различных дисциплинарных и теоретических направлений конфигурируют свою исследовательскую оптику при описании ситуации взаимодействия групп или культур. Среди таковых — понятия «чужой» и «другой». При этом конкретное смысловое наполнение указанных понятий часто носит авторский характер и зависит от контекста, в который их помещает исследователь [Баньковская, 2023]. Более того, объединенные в диаду, триаду или даже тетраду, они приобретают свойство нарратива. Примерами подобного структурирования исследовательского поля является весьма распространенная диада «свой-чужой», а также используемая рядом авторов триада «чужой, другой, маргинал» (ibid), в некоторых случаях даже тетрада — «свой-чужой-другой-враг» [Перепелкин, 2015, с. 66]. Таким образом, сложившийся в научном сообществе своеобразный консенсус в отношении номинативной функции понятий «чужой» и «другой» дополняется конвенциональной свободой семантики.

В нашем исследовании мы использовали триаду «чужой, другой, терпимый», чтобы подчеркнуть внутреннюю структуру дистанции между принимающим сообществом, а конкретно — русским населением Республики Татарстан, и условным мигрантом, рассматриваемым в качестве обобщенного иного. По мнению автора, коллективно транслируемая степень инаковости мигрантов может быть конкретизирована указанной выше триадой, в которой понятие «чужой» использовано для фиксации максимальной групповой дистанции, но не пересекающей гуманистические границы; понятием «другой» обозначаем средний уровень дистанционности, допускающий определенный спектр формальных взаимодействий.

Понятие «терпимый» имеет коннотацию, восходящую к дискуссии 1990-х гг. между В.А. Тишковым и Л.М. Дробижевой о сущности толерантности, в которой одним из русскоязычных аналогов являлось понятие «терпимость», по-разному трактуемое корифеями отечественной этнологии [Толерантность и согласие..., 1997]. В нашем исследовании мы используем понятие «терпимый» как производное от «терпимости» в том прочтении, которого придерживалась Л.М. Дробижева, т.е. «принимаемый каков есть» [Национальное самосознание..., 1994]. Следовательно, понятие «терпимый» используется для вербализации достаточно близкой дистанции, подразумевающей психологическое принятие мигранта в качестве сожителя в локальном сообществе.

Еще одно понятие, привлекаемое в настоящем исследовании в качестве референтного для указанных выше типов «чужой», «другой», «терпимый», — «культурная дистанция». Оно использовано с целью формализации тропа отличительности и аутгрупповости в контактах между группой «русские» и обобщенной группой «мигранты». Введенное в научный оборот в начале 1980-х гг., по мнению одних — группой И. Бабикера [Babiker et al., 1980], по мнению других — психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером [Furnham, Vochner, 1986] для фиксации культурных различий, оно в

дальнейшем прочно вошло в междисциплинарный научный дискурс и широко применяется специалистами в области социальной антропологии и этнологии при описании ситуаций взаимодействия представителей двух и более этнических групп [Мультикультурализм..., 2002].

Методология и методы исследования

В качестве рамочной методологии при изучении проблемы восприятия мигрантов представителями одной из групп этнического большинства регионального полиэтничного сообщества использовалась теория «реального конфликта» М. Шерифа [Sherif, 1966], Д. Кэмпбелла и Р. Левина [LeVine, Campbell, 1972]. Мы исходили из тезиса о том, что межгрупповые отношения в континууме «принимающее сообщество — мигранты» в ситуации усложнения социально-экономических условий, обусловленного экономическим и политическим давлением на Россию, актуализируют конкуренцию в сфере занятости и доступа к социальным благам вне зависимости от того, подтверждается ли это объективными данными или является фрустрирующим ожиданием. Важную мобилизирующую роль в этом играют информационная среда и медиа, поэтому дополнительным казуальным приемом при анализе полученных эмпирических данных выступила теория информационного общества М. Кастельса [Кастельс, 2020]. Научно-исследовательский инструментарий «полевой» части исследования предполагал комплексное использование количественных и качественных методов, в частности массового опроса, глубинного интервью, фокус-группы и участвующего наблюдения. По мнению автора, методика, основанная на сочетании количественных и качественных методов, позволяет не только оценивать общую ситуацию и тенденции, но и интерпретировать причинно-мотивационную составляющую позиций респондентов, отраженных в количественных показателях.

Источники

Материалы исследования, которые легли в основу настоящей статьи, получены в рамках комплексного исследования «Социальное самочувствие и этнокультурные потребности русского населения Республики Татарстан», реализованного в 2022 г. В ходе сбора данных было опрошено 1200 жителей республики, идентифицирующих себя в качестве русских. Выборочная совокупность формировалась на основе генерализованных данных Всероссийской переписи 2010 г., при отборе респондентов использовался квотно-стратифицирующий принцип. Глубинные интервью и фокус-группы проводились в различных населенных пунктах с учетом численного и этнического состава. Также в качестве данных, отражающих динамику восприятия мигрантов, привлечены материалы глубинных интервью с представителями русского населения, полученные по итогам исследования «Состояние межэтнических отношений в Республике Татарстан», осуществленного в мае — августе 2024 г.

Результаты

Согласно результатам проведенного в 2022 г. опроса 1200 респондентов, идентифицировавших себя в качестве русских, более 70 % из них оценивают межэтнические отношения в месте своего проживания и республике в целом как «доброжелательные», от 14 % до 18 % оценили их как «внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует», и еще 2 % рассматривают ситуацию как «напряженную, на грани открытых столкновений». При этом доля позитивных оценок выше, когда респондент говорит о конкретной ситуации в своем населенном пункте и примерно на 5 % ниже, когда дает общую оценку по республике. То есть, имеет место фрустрирующая стереотипизация, обусловленная, по всей видимости, сложившимся информационным полем. Если оценивать результаты ответов на указанные вопросы в таких социальных стратах, как пол, место жительства и возраст, можно отметить, что есть различия в оценках между горожанами и сельчанами. Последние склонны более позитивно оценивать состояние межэтнических отношений как в месте проживания, так и в Татарстане в целом, различия с горожанами достигают 15 %. Аналогичные расхождения в восприятии и оценках имеются в возрастных группах, в частности респонденты старше 51 года более положительно оценивают ситуацию, чем представители средней возрастной группы 31–50 лет. Еще заметнее разница между группой 51+ и молодежью в возрасте 18–30 лет, которые демонстрируют наиболее скептические оценки как межэтнической ситуации в месте своего проживания, так и общереспубликанской. Разница в позициях между указанными возрастными группами варьируется в диапазоне от 12 % при оценке конкретной ситуации до 7 % в случае обобщенной. В группах «мужчины» и «женщины» высказанные позиции оказались консолидированными и близки к тождественным. Таким образом наше предположение о корректирующем негативном внешнем влиянии на

оценки респондентов подтверждается, так как самые скептические позиции продемонстрировали горожане и молодые русские в возрасте 18–30 лет. Именно эти социальные группы, как правило, максимально включены в информационную повестку.

Вместе с тем среди предложенных вариантов, включая вариант с открытым ответом, о тех факторах, которые беспокоят респондентов в сфере межнациональных отношений больше всего, не оказалось какого-то одного доминирующего или даже заметно преобладающего. Несколько таких причин имеют для респондентов примерно одинаковую приоритетность. При группировке ответов суммировались все выбранные респондентами варианты ответов, общее количество которых составило 1564. Самым актуальным оказался вариант ответа «большое количество инокультурных мигрантов», который составил 15,5 % от всех полученных ответов, далее с разницей в пределах статистической погрешности следовал вариант «проблема сохранения родного языка» — 14,8 %. Еще два популярных варианта ответа — «влияние национальности при устройстве на работу» и «искажение характера межнациональных отношений в республике в СМИ» — набрали 10,3 % и 9,5 % соответственно. Таким образом, именно проблема мигрантов является в глазах представителей русского населения Татарстана пусть и не определяющей, но все-таки наиболее актуализированной.

Обратим внимание, что в формулировке ответа использовалось фокусирующее прилагательное «инокультурный», которое по замыслу авторов должно было сформировать у респондентов соответствующую коннотацию и таким образом исключить в ситуации выбора категорию внутренних мигрантов из соседних российских регионов. Хотя методически трудноразрешимым остается вопрос с внутренними мигрантами из ряда российских регионов, в частности с Северного Кавказа, культурная дистанция с которыми у местного населения, согласно ранее проводившимся исследованиям, фактически соответствует аналогичной дистанции с иммигрантами из стран Средней Азии и Закавказья. Тем не менее именно культурная составляющая оказывается определяющей при восприятии русскими респондентами ситуации взаимодействия с мигрантами.

Как и в ранее рассмотренных вопросах, оказались заметны различия в позициях представителей таких социальных групп, как горожане и сельчане. У первых актуальность варианта ответа «большое количество инокультурных мигрантов» в три раза превышала аналогичную у сельчан — 18,8 % против 5,4 %. В возрастных группах, а также у мужчин и женщин таких заметных различий не проявилось. В группе «молодежь» (18–30 лет) тема мигрантов незначительно, но уступила по актуальности проблемам сохранения родного языка и влияния национальности при устройстве на работу.

Очевидно, что городская среда значительно повышает интенсивность потенциальных контактов представителей местного русского населения с мигрантами, что и отразилось в полученных результатах. При ответе на прямой вопрос об отношении респондентов к присутствию мигрантов в населенном пункте проживания около половины опрошенных выбрали вариант ответа «положительно, если они будут вести себя в соответствии с традициями местного населения и владеть языком». В то же время 21,3 % согласны с присутствием мигрантов, «если их будет меньше», а еще 20,8 % «против их присутствия, если они не соблюдают закон». Иных, более категоричных вариантов ответа, при допустимости авторских формулировок, высказано не было. То есть диапазон установок у большинства русских республики в отношении мигрантов колеблется в пределах умеренно позитивного, что в предложенной авторами схеме соответствует категориям «другой» и «терпимый», хотя позиция с согласием на присутствие мигрантов, если их будет меньше, которой придерживается пятая часть опрошенных, скорее соответствует категории «чужой». Вновь, как и в предыдущих вопросах, различия в занятых респондентами позициях заметно проявились между жителями городов и сельских населенных пунктов. Горожане демонстрируют значительно менее позитивное отношение к мигрантам, например вариант положительного отношения «если они будут вести себя в соответствии с традициями местного населения и владеть языком» выбрали только 40 %, в то время как среди сельчан этот вариант отмечен в 64,6 % случаев. В других социальных группах подобных расхождений выявлено не было и результаты соответствовали распределением ответов в целом по выборке.

Чтобы понять позиции респондентов, обратимся к данным глубинных интервью и фокус-групп. В исследовании 2022 г. тема взаимоотношений представителей принимающего населения и мигрантов находилась на периферии интереса собеседников. На вопрос о состоянии межэтнических отношений в республике и потенциальных рисках участники, как правило, говорили о стабильных и в целом позитивных межэтнических отношениях, а в качестве негативных фак-

торов чаще указывались диспропорции в сложившейся за постсоветский период кадровой политике в группах этнического большинства. Более развернутое объяснение такого отношения к теме мигрантов сформулировала одна из участниц исследования:

Интервьюер (И.): Тема мигрантов насколько сейчас актуальна? Проблема есть такая или нет? Насколько это конфликтогенный фактор в настоящее время?

Респондент (Р.): Мне кажется, что сейчас уже немного подостыли, все привыкли к тому, что люди приезжают и мигрантов много.

И.: Это с привычкой связано или с количеством?

Р.: Мне кажется, что не просто даже привычка, а просто прошел период адаптации, когда люди поняли, что мигранты есть. Я бы не сказала, что к мигрантам относятся хорошо и позитивно. На бытовом уровне есть мигрантофобия.

И.: Она только у русских или у татар тоже?

Р.: У всех, у местного населения у всех по-разному присутствует. Но и мигранты не хотят идти на какой-то контакт.

И.: То есть здесь фактор обоюдный?

Р.: То есть живут обособленно, не хотят встраиваться, социализироваться, такое тоже видно (жен., русская, 37 лет, г. Казань).

Схожие установки демонстрировали жители не только столицы, но и небольших городов:

И.: Какова в настоящее время ситуация с мигрантами в вашем городе? Их стало больше или меньше?

Р.: Мигрантов стало больше, потому что у нас студенты, все-таки здесь филиал КФУ (Казанский федеральный университет. — Прим. авт.).

И.: Ну, иностранные студенты — это особая категория. А вот рабочие какие-то?

Р.: Приезжают-приезжают.

И.: Они раздражающий фактор или на них спокойно реагирует население?

Р.: Мы — спокойно. Наш возраст спокойно к этому относится (жен., русская, 47 лет, г. Елабуга).

В ходе фокус-групп с представителями различных социальных и возрастных страт русского населения высказывания участников в целом соответствовали позициям, прозвучавшим в глубинных интервью, и имели нейтральную эмоциональную окраску с отдельными негативными коннотациями:

Модератор (М.): Как у вас отношения с мигрантами? Есть проблемы?

Участник 7: У нас все спокойно.

Участник 4: В Заинске есть люди, которые плохо относятся к тому, что у нас разные национальности ходят по городу. И властью недовольны (ф.-группа № 6, г. Заинск).

Более детализированная критическая позиция была отмечена среди участников из числа жителей столичной Казани:

М.: Проблема мигрантов у нас существует? Как вы сами относитесь к присутствию мигрантов из других стран? Является ли это проблемой?

Участник: На самом деле проблема есть. И она связана не с ассимиляцией, а с тем, что, когда люди переезжают в Россию, они продолжают жить по своим традициям. Это выражается в разной степени. В менталитете, в разговоре, в поведении. Это выглядит, в данном случае, как неуважение к принимающей стороне.

М.: Как ты считаешь, на уровне республики это является проблемой?

Участник: Если говорить про отдельные микрорайоны крупных городов, у нас есть такие в Приволжском районе, в Советском (районы Казани. — Прим. авт.). Там встречаются отдельные микрорайоны, которые заполнены выходцами из стран СНГ. В Советском районе мы как в другой мир попали. Внутренний дворик, а мы единственные россияне, как будто в другой стране. Атмосфера как будто не у себя дома (ф.-группа № 3, г. Казань).

Таким образом данные, полученные в ходе исследования 2022 г., свидетельствовали о преобладании среди русского населения Татарстана достаточно спокойного и отчасти отстраненного отношения к обобщенной группе «мигранты», которая соответствовала условным типам «другой» и «терпимый» с преобладанием первого. Образ мигранта в высказываниях большинства участников исследования носил обезличенный характер, что свидетельствовало о существовании заметной межгрупповой дистанции. В то же время немногочисленные негативные оценки и отсутствие устойчивого отрицательного образа мигрантов, как группы в целом, так и отдельных ее представителей, говорило о том, что тип «чужой» не являлся в группе русских настолько распространенным, чтобы обрести форму паттерна.

В исследовании 2024 г. ситуация с оценками участников исследования из числа представителей русского населения республики роли миграционного фактора в межнациональных отношениях заметно отличалась. Тема мигрантов становится рефреном рассуждений о потенци-

Культурная дистанция и образ мигранта у русского населения Республики Татарстан...

альных конфликтах в межэтнической сфере. Среди типовых позиций, озвученных в ходе глупинных интервью людьми разного возраста и места проживания, звучали следующие:

И.: Как вы считаете, насколько фактор мигрантов может спровоцировать какие-либо межнациональные конфликты?

Р.: На сто процентов может, это еще они не ударили по нашей республике, потому что в общем-то относительно положение у нас спокойное, но мигранты будут выбивать для себя место под солнцем.

И.: То есть вы критически относитесь к их присутствию?

Р.: Очень критически, это люди, которые молчат, но дело свое делают, они распространяют не тот ислам, который ближе нашим татарам, а воинственный ислам, и постепенно часть населения, небольшая пока часть, захватывается этими делами (жен., русская, 72 года, г. Казань).

В приведенной выше цитате обращает на себя внимание тема импорта нетрадиционного ислама в татарстанскую умму посредством мигрантов. Этот нарратив был устойчиво актуальным в информационном поле республики с середины 2000-х гг. и обрел наибольший резонанс после террористических атак 2012 г. К началу 2020-х гг., как показали и результаты исследования 2022 г., тема нетрадиционного ислама мигрантов ушла из фокуса информационного поля и практически отсутствовала в артикулируемых русскими респондентами образах мигрантов. Спустя два года она вновь становится манифестируемой. Стоит также отметить расширившуюся географию негативных оценок, отраженную в позициях русских жителей небольших населенных пунктов:

И.: Как вы считаете, насколько в настоящее время высока вероятность возникновения межнациональных конфликтов в нашей республике или не высока, если да, то как вы думаете, в каких сферах жизни это может проявиться?

Р.: Если мы говорим про коренное население республики, то я думаю, что здесь вероятность нулевая.

И.: А если мы говорим в целом про ситуацию в республике?

Р.: Если в целом говорим, то я думаю, что есть небольшой риск, который связан с мигрантами, сейчас участились случаи, когда очень много конфликтных ситуаций, связанных вокруг мигрантов. Изнасилования, побои. И здесь возникает вопрос, как это разрешать. Наглость мигрантов начинает зашкаливать (муж., русский, 25 лет, пгт. Аксубаево).

Исходя из данного высказывания можно уверенно предположить, что позиция информанта не опирается на конкретную ситуацию в месте проживания, так как отсутствуют какие-либо значимые подробности. Позиция скорее отражает общий эмоциональный настрой, сформулированный в стереотипизированной форме. Тем не менее сам регистр оценки ситуации с мигрантами в республике у представителей русского населения значительно повышен в сравнении с исследованием 2022 г. Происходит ревитализация фобий с опорой на значительно выросшие за последние годы возможности воздействия на аудиторию через различные информационные каналы.

Заключение

Представленный анализ результатов исследований 2022 и 2024 гг. свидетельствует о заметных изменениях в позициях представителей русского населения республики по отношению к мигрантам, произошедших в течение двух лет. Очевиден восходящий тренд на актуализацию проблемы мигрантов в татарстанском сообществе. Судя по высказываниям русских информантов, начинает все более преобладать тип «чужака» и сокращаться тип «терпимого». По-прежнему можно говорить о существующем общественном консенсусе по вопросам бесконфликтного взаимодействия принимающего населения и представителей других культур, но запас прочности истончается, что заметно по возросшей межгрупповой дистанции, выраженной более критичными, чем двумя годами ранее, оценками. Вторым важным наблюдением является определяющая роль информационного пространства и ключевых акторов в лице медиа, оказывающих формирующее воздействие на значительные массы населения. Причем степень этого влияния увеличивается, а время отклика аудитории сокращается, что становится заметным фактором в межэтнических отношениях. Подводя общий итог, необходимо отметить, что фигура мигранта как «инога» составляет значимую часть этнической рефлексии русской части культурно сложного регионального сообщества. Вместе с тем мигранты не являются тем фактором, который в настоящее время определяет общее состояние межэтнических отношений в республике, выступая в значительной мере как потенциальный агент канализации напряженности в случае усиления негативных процессов в социально-экономической сфере.

Финансирование. Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баньковская С.П.* Чужаки и границы: Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2023. 302 с.
- Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: Этносоциологические очерки* / Отв. ред. Т.А. Титова. Казань: Мир без границ, 2013. 225 с.
- Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 591 с.
- Мультикультурализм и трансформация постсоветских наций* / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии: Ин-т философии РАН, 2002. 356 с.
- Мусина Р.Н., Хайруллина Н.Г.* Особенности этноконфессиональной ситуации в постсоветском Татарстане // Известия вузов: Социология, экономика, политика. 2015. № 4. С. 85–87.
- Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов* / Ред. Л.М. Дробижеева, М.С. Кашуба, А.Р. Аклаев, В.В. Коротаева. М.: ИЭА РАН, 1994. 273 с.
- Перепелкин Л.С.* «Свой-чужой-другой-враг»: К антропологии межгрупповых взаимодействий // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. XVII. Вып. 1–2. (№ 85–86). С. 63–75.
- Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: Опыт Татарстана в общероссийском контексте* / Под ред. Л.М. Дробижеевой, С.В. Рыжовой; Ин-т социологии РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 152 с.
- Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М.: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.
- Сагитова Л.В.* Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 360 с.
- Толерантность и согласие: Материалы междунар. конф. «Толерантность, взаимопонимание и согласие»*, Якутск, июнь 1995 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1997. 307 с.
- Этносоциология в Татарстане: Опыт полевых исследований: Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижеевой* / Ред. Р.Н. Мусина, Г.Ф. Габрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 316 с.
- Babiker I., Cox J., Miller, P.* The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, symptomatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University // Journal of Social Psychiatry. 1980. Vol. 15. P. 109–116.
- Berger P.L., Luckmann T.* The Social construction of reality: A Treatise in the sociology of knowledge. L.: Penguin Group, 1991. 249 p.
- Furnham A., Bochner S.* Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L.: Methuen, 1986. 298 p.
- LeVine R.A., Campbell D.T.* Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior. N. Y.: John Wiley, 1972. 310 p.
- Park R.E.* Race and culture. N. Y.: The Free Press; L.: Collier — Macmillan, 1950. 442 p.
- Sherif M.* Group conflict and cooperation: Their social psychology. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966. 192 p.
- Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. 2nd ed. N. Y.: Knopf, 1927. 1115 p.

ИСТОЧНИКИ

Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина 7 июня 2024 года на пленарном заседании Петербургского Международного экономического форума. URL: <https://www.interfax.ru/spief2024/965716> (дата обращения: 19.10.2024).

Kozlov V.E.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kazan (Volga Region) Federal University»
Kremlevskaya st., 18, Kazan, 420015, Russian Federation
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

Cultural distance and the image of a migrant among the Russian population of Tatarstan: “foreign”, “different”, “tolerable”

The article considers the features of the perception of migrants by the Russian population of the Republic of Tatarstan, reflecting the degree of the intergroup social distance. One of the factors that shape it is the generalized image of a migrant prevailing among local Russians, which can be reduced to three conventional types: “foreign”, “different”, and “tolerable”. Each of them, in addition to socio-cultural connotations, is equivalent to the characteristics of the intergroup distance — close, medium, distant. The purpose of the study is the analysis of the social distance between the Russian population of Tatarstan and migrants, represented in generalized figurative nominations: “foreign”, “different” and “tolerable”, as well as the factors contributing to it. The research is based on the materials of the comprehensive study “Russian population of the Republic of Tatarstan”, which was carried out in 2022, as well as on the results of other studies on ethnic issues conducted in 2023–2024. It is worth noting that the problem of migrants has become remarkably topical over the past two years in the local multicultural community, which affects both the perception of migrants and attitudes towards the interaction with them.

Культурная дистанция и образ мигранта у русского населения Республики Татарстан...

The image of a migrant as a “different” remains predominant among the Russian population of the republic, with a tendency to transform into the image of a “foreigner”, which indicates an increase in intergroup social distance.

Keywords: migrant, ethnic identity, cultural distance, ethnic stereotype, autochthonous group, heterogeneity.

Funding. The work was supported a grant provided in 2024 by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

REFERENCES

Babiker, I., Cox, J., Miller, P. (1980). The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, symptomatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University. *Journal of Social Psychiatry*, (15), 109–116.

Bankovskaya, S.P. (2023). *Strangers and borders: Research on the sociology of marginality*. St. Petersburg: Izdatelstvo «Vladimir Dal». (Rus.).

Berger, P., Luckman, T. (1991). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Group.

Castells, M. (2020). *The power of communication*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (Rus.).

Drobyzheva, L.M., Kashuba, M.S., Aklaev A.R., Korotaeva, V.C. (Eds.) (1994). *National self-awareness and nationalism in the Russian Federation in the early 1990s*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).

Drobyzheva, L.M., Ryzhova, S.C. (Eds.) (1994). *Positive interethnic relations and prevention of intolerance: Tatarstan's experience in the all-Russian context*. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).

Furnham, A., Bochner, S. (1986). *Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments*. London: Methuen.

LeVine, R.A., Campbell, D.T. (1972). *Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior*. New York: John Wiley.

Malakhov, V.S., Tishkov, V.A. (Eds.) (2002). *Multiculturalism and transformation of post-Soviet nations*. Moscow: Institut etnologii i antropologii; Institut filosofii RAN. (Rus.).

Musina, R.N., Gabrakhmanova, G.F., Makarova, G.I., Sagitova, L.V. (Eds.) (2013). *Ethnosociology in Tatarstan: Experience of field research*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (Rus.).

Musina, R.N., Khairullina, N.G. (2015). Features of the ethno-confessional situation in post-Soviet Tatarstan. *Izvestiya vyschih uchebnyih zavedeniy: Sociologiya, ekonomika, politika*, (4), 85–87. (Rus.).

Park, R.E. (1950). *Race and culture*. New York: The Free Press; London: Collier — Macmillan.

Perepelkin, L.S. (2015). “Own-stanger-another-enemy”: To the anthropology of intergroup Interactions. *Personality. Culture. Society*, (85–86), 63–75. (Rus.).

Porshnev, B.F. (2006). *On the beginning of human history*. Moscow: FARY-V. (Rus.).

Sagitova, L.V. (2018). *Republic of Tatarstan: identity politics and its actors*. Kazan: Izdatelstvo Instituta istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (Rus.).

Sherif, M. (1966). *Group conflict and cooperation: Their social psychology*. London: Routledge and Kegan Paul.

Tishkov, V.A. (Ed.) (1997). *Tolerance and consent: Materials of the international conference “Tolerance, mutual understanding and consent”, Yakutsk, June 1995*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).

Titova, T.A. (Ed.) (2013). *Diasporas and migrant communities in the Republic of Tatarstan: Ethnosociological essays*. Kazan: Mir bez granits. (Rus.).

Thomas, W.I., Znaniecki, F. (1927). *The Polish peasant in Europe and America*. 2nd ed. New York: Knopf.

Козлов В.Е., <https://orcid.org/0000-0002-7152-152X>

Сведения об авторе: Козлов Вадим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной деятельности Директората Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань.

About the author: Kozlov, V.E., PhD in History, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Activities of the Directorate of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga) Federal University, Kazan.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 26.02.2025

Article is published: 15.06.2025